

М. П.
АРЦЫБАШЕВ

Избранное

Михаил Петрович Арцыбашев

Бог

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2827385

Аннотация

«От скверных крепких папирос в комнате волокнами стоял синий дым, чай все желтел, желтел и наконец обратился в холодную воду, в которой плавали размокшие кусочки лимона, – а Коцеры все не было.

Хозяин квартиры, Сергей Хижняков, крепкий плечистый семиклассник-гимназист, ругался, не стесняясь в выражениях, и приводил в краску шестиклассника Пушкарева, беленького, чистенького, как куколка, мальчика...»

Михаил Петрович Арцыбашев Бог

От скверных крепких папирос в комнате волокнами стоял синий дым, чай все желтел, желтел и наконец обратился в холодную воду, в которой плавали размокшие кусочки лимона, – а Коцуры все не было.

Хозяин квартиры, Сергей Хижняков, крепкий плечистый семиклассник-гимназист, ругался, не стесняясь в выражениях, и приводил в краску шестиклассника Пушкарева, беленького, чистенького, как куколка, мальчика.

– Черт его знает, наверное, у него ничего и нет, а так только нахвастал, а теперь и сам не знает, как увильнуть.

– Конечно, нет, куда ему, долговязому... нахвастал!

Но в это время дверь отворилась, за косяк взялись чьи-то костлявые пальцы, и в темноте передней показалась снимавшая калоши длинная и нескладная фигура семинариста Коцуры.

– Где ты там, черт, застрял?.. ждем, ждем... иди скорее! – закричали ему все пять голосов.

Коцура ничего не ответил, снял калоши, повесил

пальто на вешалку и вошел, длинный, белый, сухой, как мертвец.

– Ну, что ж?.. Будешь читать? – спросил Альбов. Коцура повел мертвыми, неподвижными глазами и глухо произнес:

– Я затем и пришел.

– Ну и вали... нечего мямлить.

Коцура прошел к столу, сел, вынул из кармана листок бумаги и опять обвел всех тяжелым, неповоротливым взглядом.

Все четыре гимназиста и кадет Большаков придвинулись ближе, некоторые даже потушили папиросы.

– Слушайте, – раздался глухой, мертвый голос Коцуры, – я хотел с вами поделиться мыслями о Боге.

– Ну, вали! – снисходительно махнул рукой Хижняков.

– Жарь! – отозвался Большаков.

– Перед каждым человеком, – заговорил Коцура, ни на кого не глядя, – рано или поздно, неизбежно встает ужасный вопрос о том, что с ним будет после смерти... Человек живет, страдает, борется и умирает, и все эти муки и усилия исчезают вместе с ним, как будто никогда ничего и не было... Это ужасно, и если люди, как кажется, мало думают об этом и все хлопочут о чем-то, то это только потому, что курица, которую несут резать, взявши за ноги, естественно должна больше

думать о той боли, которую причиняют ей прилив крови к голове и руки кухарки, чем о смерти, которой она не понимает... Кх!.. Коцура закашлялся и сердито сказал:

– Что вы тут, черти полосатые, накурили до того, что дышать нельзя!

– Можно форточку отворить, – предложил Пушкарев.

– Не надо, – сердито возразил Коцура.

– Ну, так вот... Кажется совершенно неестественным, чтобы человеческий ум мог совершенно исчезнуть; чтобы то, что говорило, страдало, понимало все окружающее, все запечатлевало в себе, кончалось полным небытием, как простая разрушенная машина. Ужас смерти, его полная безысходность, мука полной разлуки с миром и людьми так непереносимы для человека, что совершенно естественным и необходимым является учение о загробной жизни. В мечте о том, что со смертью еще не все будет кончено, что моя индивидуальность и после могилы будет жить, видеть и слышать то, что будет после нас, есть нечто такое светлое и радостное, что человек готов примириться иногда с очевидной необоснованностью, с явным вымыслом, лишь бы поверить в нее, в загробную жизнь... И люди в течение долгих веков в нее верили... Я, конечно, не стану напоминать вам о сущности

всех вероучений о загробной жизни, но я укажу на то, что несомненно в них является самым важным, без чего такая вера немыслима, – на Бога.

Пушкарев пугливо покосился на Коцуру и покраснел.

– Что такое Бог? – вот вопрос, над которым мучились люди с самого начала сознания и до наших дней. Нечего говорить, что одна сторона вопроса, о самом факте бытия Божия, и другая, что из самой сущности понятия о Боге вытекает, что Бог есть начало всех начал, представляются совершенно непреложными.

– Почему? – возразил Большаков.

– Потому что, по-первых, сила, двинувшая мир из небытия к бытию, так или иначе, но должна была быть, а во-вторых – если бы Бог не был началом всех начал, то существование его, или этой силы, не имело бы решающего значения: над ним была бы большая и сотворившая его самого сила.

– Ну да... это понятно! – протянул Хижняков.

– Да... Следовательно, вопрос о Боге, как о силе, начале всех начал, представляется совершенно вероятным, и, собственно, для нас, в нашем мучительном вопросе о загробной жизни, самое существование Бога не имеет еще никакой цены. Если бы загробная жизнь выразилась в слиянии нашей индивидуальности с первоначальной материей, то есть в утра-

те нашей индивидуальности, то для нас это уже есть смерть. Раз не сохранится наш ум, не сохранится ничего... Ум же сохранится только при одном условии: если Бог есть разумная сила. Тогда возможно предположить, что ум, утративший тот аппарат, которым, как электрическая энергия динамо-машиной, вырабатывался на свет, то есть лишившись мозга и всего тела, способен отделиться и существовать сам по себе, так же, как существует разумный дух Божий. Значит, вся важность вопроса о Боге заключается в определении самой сущности Бога, как силы разумной или неразумной, стихийной, иначе говоря.

– И ты определил? – насмешливо спросил Хижняков.

– Да. Определил, – ответил Коцура, поворачивая к нему такое мертвое лицо, что Хижнякову стало немного не по себе.

– Определить сущность Бога нельзя было потому, что Он невидим, неслышим и неосяцаем. Те измерения, которыми пользуются люди, не подходят к определению невидимого существа. Люди, верящие в Его бытие, старались открыть возможность Его увидеть, и так возникло понятие о загадочном четвертом измерении. Предполагалось так: существуют три измерения: длина, высота и ширина, но они не определяют всего того, что нужно людям, не показывают того,

что очевидно, но чего нельзя определить ни шириной, ни высотой, ни длиной... Например, вечность и бесконечность, то есть именно то, что должно быть неотъемлемым качеством Бога. А также и невидимость. Думали приблизительно так: вообразим себе существо, обладающее только двумя измерениями, и вообразим, что это существо живет на поверхности воды. Все в мире должно было бы представляться этому существу лежащим на плоскости, и человек, который вошел бы в воду по колени, неминуемо представился бы этому существу в виде двух плоскостей, равных поперечному разрезу человеческих ног. Если бы человек вынул ногу из воды и шагнул на берег, он неминуемо исчез бы из пределов видимости для существа двух измерений, потому что он удалился бы с плоскости в высоту, недоступную для двух измерений. Следовательно, не было ничего легче, как допустить существование существа, обладающего четырьмя измерениями, которое, двигаясь в сфере этого четвертого измерения, делается невидимым для человека. Так?

– Ловко! – восхищенно согласился Большаков.

От всеобщего интереса даже дышать стало как будто труднее.

– Я первый открыл, что это совершенно неправильно, – с торжеством сказал Коцура. – Слушайте... Все эти три измерения – суть измерения чисто геометри-

ческие. Они предполагают пространство, но отнюдь не тело. Между тем весь мир населен именно телами, а не пространствами, и совершенно невозможно даже представить себе абсолютное пространство. Отправляясь отсюда, я понял, что четвертым измерением должно быть то измерение, которое из области воображаемого приводит сущность в область бытия, в положение видимого, осязаемого и ощущаемого предмета. Это четвертое измерение есть вес...

– Вот куды! – крикнул Хижняков. – Открыл!

– Молчи, дурак, – сердито возразил Коцура, – да, открыл!.. Я открыл то, что было, что вертелось у всех под носом, но ошибочно относилось в другое место... Америка тоже когда-то вертелась под носом у всех, но открыл ее Колумб!

– Так ты Колумб! – хихикнул Хижняков.

– А ты дурак!

– Теперь я разобрал так: что такое обладает одним измерением? Например, время... оно имеет только длину, но ничего больше. Что такое имеет два измерения? Например, звук... он имеет высоту и длину, то есть возможность измениться в двух направлениях. Так. Заметьте, что понятие о звуке, сравнительно с понятием о времени, например, имеет уже большую представляемость и большую, так сказать, плотность. Если во времени не необходимо никакое тело,

то для существования звука оно необходимо. Таким образом, увеличивая число измерений, мы не отделяемся от плотности, а, напротив, приближаемся к ней. Так. Теперь поищем сущность трех измерений и проследим, идет ли и она по тому же пути в смысле приближения к телу. Вот пример: свет и тепло. Как свет, так и тепло имеют три измерения: длину, высоту и ширину.

– Что ты городишь? – возмутился Хижняков.

– Постой. Как можно измерить свет?.. Единственный способ – это заключить его в меру, обладающую тремя измерениями: длиной, высотой и шириной. В этой комнате горит лампа, за пределами ее, комнаты, уже нет света, там темнота. Так что в данном случае свет лампы, заключенный в стенах комнаты, представляет собою куб света, измеряемый протяжением стен комнаты.

Не стоит говорить о том, что свет и тепло есть только продукт движения атомов и, следовательно, факт, что сущность трех измерений уже категорически двигает понятие к появлению тела. Таким образом, ясно вытекает необходимость четвертого измерения именно в эту сторону, и следующий шаг неминуемо является обозначением плотности или веса, что, в сущности, одно и то же... Тело есть конечная форма видимости, осязаемости и ощущаемости, и потому

уже ясно, что дальше идти некуда. Пятого измерения не может быть, и, следовательно, за видимым миром в эту сторону нет уже ничего.

И слово «ничего», и мертвый взгляд Коцуры, и мысли, надавившие на мозги, придавили всех. Стало как-то жутко, и уже хотелось всерьез, чтобы Коцура не остановился на этом, а шел дальше, к какому бы то ни было выводу.

– Поняв это, – продолжал Коцура, – я понял, что для определения Бога, как существа невидимого, неосязаемого, неслышимого и неоощущаемого, надо идти в обратную от тела сторону, то есть не в сторону четвертого измерения и вообще увеличения измеряемости, а наоборот – в сторону полного отсутствия измерений.

Я понял, что Бог не имеет измерений, и понял, что именно потому он невидим, вечен и бесконечен.

Становилось все жутче и жутче, лица были бледны и блестяли глазами, а мертвый голос Коцуры звучал все глуше.

– Бог есть сила, но сила не существует сама по себе, ибо она рождает движение, движение рождает материю. Таким образом, для меня стало ясно, что бытие Божие стихийно должно творить и творение мира не есть воля, а необходимость... Когда я это увидел, – заговорил Коцура, тихо встав, с выражением ужаса на

сухом, мертвом лице, – я ужаснулся!..

Холод прошел по жилам всех, головы поднялись за лицом Коцуры и смотрели на него снизу.

Беленький мальчик Пушкарев, богомольный и верующий, побледнел, как стенка; один здоровяк Хижняков бравадно усмехался через силу.

– Ум мой метнулся из стороны в сторону, ища выхода из безвыходности. Тогда на мгновение мелькнула у меня мысль...

Пушкарев встал, весь дрожа, близкий к припадку.

– Хорошо, нет воли, но есть ли разум?.. Если есть, то все творение разумно и исчезновение человеческого духа невозможно, потому что нелепо и неразумно. Боже, сказал я себе, но ведь и мой разум, моя мысль тоже не имеет измерения, а она существует! Так почему не существовать вместе с нею и верховному разуму, или вместе с верховным разумом почему не существовать с моей мысли!

– Ну? – протянул Пушкарев, весь вытягиваясь к лицу Коцуры.

Все напряженно вздохнули.

– Почему?.. Но тут я вспомнил, что мысль – не есть сущность вне измерений... Мысль есть сущность одного измерения!.. Ей необходимо время, продолжительность, длина!..

Коцура выпрямился во весь рост, окинул всех мерт-

венно-неподвижным взглядом и глухо, но твердо произнес:

– Итак, если мысль есть сущность одного измерения, а Бог вне измеряемости, то, следовательно, наша мысль не может войти в Его сферу невидимости, неосязаемости, неоощааемости и неслышимости, а так как наглядно, после смерти человека, она становится таковою, то значит, она просто уничтожается, и загробной жизни нет, не может быть!..

Коцура согнулся и стал собирать свои заметки. Воз царилось глубокое молчание. Все казались подавленными и действительно ощущали холодок в сердце и тяжесть в мозгу. В этом гнетущем настроении какого-то надлома молча стали расходиться.

На дворе была зима и лунная ночь. Снег сверкал голубою морозною пылью. Было поздно, и дома стояли, черные с одной стороны, белые с другой, мертвыми громадами. Негорящие фонари холодно блестели стеклами и бросали через белую дорогу резкие черные тени. Звезды недосягаемо далеко сверкали вверху, над белыми нитями намерзших телефонных проволок.

– Холодище какой! – нерешительно сказал Большаков засовывая руки в рукава и поглядывая на Коцуру, методично шагавшего впереди.

Пушкарев поднял к звездам блестящие на белом

лице глаза и мечтательно сказал:

– А ведь и в самом деле... Это понятно... Слепая сила, и только...

Все опять посмотрели на Коцуру выжидательно. Альбов исподтишка подставил ногу Большакову.

– Черт, в ухо дам! – вскрикнул тот, и, опять посмотрев на Коцуру, добавил: – Я никогда не верил...

– Какая тут вера, – важно произнес Альбов, – если бы была какая-нибудь разумная сила... Ах ты, дьявол! – заорал он, получив щелчок в ухо, и бросился за Большаковым, побежавшим через дорогу.

Молодой звонкий крик повис в воздухе. Пушкарев подставил ногу Альбову, но его самого толкнул в спину Иванов, и Пушкарев растянулся, набрав снегу в рукава. Большаков и Альбов боролись посреди улицы, и их тени тоже ожесточенно боролись на голубом снегу.

Коцура остановился и, презрительно вытянув свое мертвое лицо, открыл рот, но в эту минуту Иванов пригнулся, снежок пролетел у него через голову, и белая, мягкая звезда неожиданно залепила всю физиономию Коцуры.

Коцура охнул и, неожиданно придя весь в движение, стремительно бросился в атаку, кто-то подставил и ему ногу, но получил затрещину, и через минуту посреди улицы копошилась кучка, над которой звенели бесшабашно-радостные, запыхавшиеся голоса.

Над обмерзшими телефонными проволоками совершенно безмятежно сверкали звезды.